

В. В. ВЫСОКОВА

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ДЭВИДА ЮМА

Автор показывает вклад Дэвида Юма в развитие принципа историзма и ключевых проблем исторического познания в эпоху Просвещения, таких как критика исторических источников и теория исторического процесса. В статье рассматриваются «неоримский» характер концепции истории Юма, а также применение им логико-рационалистического метода французских янсенистов. Особое внимание автор статьи уделяет представлениям Юма о месте и значении истории в современном ему обществе, а также – в политической жизни страны.

Ключевые слова: Дэвид Юм, «История Англии», принцип историзма, Просвещение, национальная идентичность, «неоримская» традиция.

Восемнадцатый век в истории Великобритании был отмечен бурным процессом формирования британской нации. Однако вызывает удивление, что все те авторы, которые разрабатывают проблематику британской идентичности, не уделяют должного внимания тому, какое значение в этом процессе имели исторические сочинения XVIII века¹. В то же самое время существующие исследования показывают, что основой формирования национального сознания была именно консенсусная концепция «общего прошлого»². Прежде всего в этом заключается значимость «Истории Англии» Дэвида Юма. Именно он дал ясную, непротиворечивую, доступную для массового читателя версию национальной истории, и сделал это с блеском. Первый том «Истории Англии» Юма, посвященный первым Стюартам, появился в 1754 г. Последние тома, покрывающие период от вторжения Цезаря до 1485 г. вышли в свет в 1762 г. Это сочинение Дэвида Юма определило на следующие сто лет место и значение истории как в британском обществе, так и в традиции историописания. Этот факт является общепризнанным как в отечественной, так и зарубежной историографии³. Однако феномен «Истории» Д. Юма в отечественной историографии еще не подвергался тщательному анализу.

Прежде всего, следует обратить внимание на представление Юма о месте и роли истории в обществе эпохи Просвещения. Создавая свой

¹ Colley. 1992; Kidd. 1996; Hobsbawm. 1992; Хобсбаум. 1998.

² Андерсон. 2001. С. 173–180.

³ Барг. 1987; 1993; Нарский. 1973; Лабутина, Ильин. 2012.

труд, он сознательно формировал новый читательский рынок и внес огромный вклад в расширение круга чтения для публики середины XVIII в. Это касалось представителей среднего класса и женщин⁴. Их излюбленным чтением до Юма был новый жанр романа: любимым чтением стали романы Сэмюэла Ричардсона «Памела» и «Кларисса», которые появились соответственно в 1740 г. и в 1748 г.⁵ Однако уже в 1741 г. Юм ясно осознавал, что исторические сочинения могут вытеснить роман: «Нет ничего, что я мог бы более рекомендовать моим дамам-читательницам, чем исторические сочинения, как занятие, наилучшим образом соответствующее как их полу, так и образованию, гораздо более поучительное, чем их обычные книжки ради забавы, гораздо более развлекательное, чем те серьезные сочинения, которыми забиты их шкафы»⁶. Только женщина, которая знакома с историей ее собственной страны и античных Греции и Рима может поддержать приятную и осмысленную беседу в обществе. Более того, история обеспечивает самый лучший способ «познакомиться с человеческими деяниями не умаляя ни в малейшей степени самых деликатных чувств добродетели». Что же на самом деле может дать нам руководство в реальной жизни. Поэзия? Поэты «часто становятся защитниками порока». Философия, которая по большей части, редко имеет дело с чувствами и страстями? Только историки – они «одни истинные друзья добродетели»⁷. Как истинный друг добродетели, конкурирующий с романистами, Юм сознательно стремился «вызвать слезу» у читателя рассказом о казни Карла I. Несомненно, в этом он преуспел: у нас есть письма от его поклонниц, свидетельствующие о том, как его история вызывала их страсти и чувства⁸. Здесь уместно также упомянуть об «Истории» Кэтрин Маколей, имевшей огромный успех у читательской публики в 60-е годы XVIII века.

Уже в 1757 г. Юм мог утверждать, что история – «наиболее популярный вид чтения среди всех прочих»⁹, а в 1770 г.: «Я верю, что наш век – это век истории, а шотландцы – историческая нация»¹⁰. Юм и его друг Уильям Робертсон внесли наибольший вклад в популяризацию истории, особенно написанной шотландцами для английских читателей¹¹. Юм по-

⁴ *Christensen*. 1987.

⁵ *The Letters*. 1932. Vol. 2. P. 269.

⁶ *New Letters*. 1954. P. 80–82; *Davis Zemon*. 1988.

⁷ *Hume*. 1987. P. 1, 5, 7, 563, 566–567.

⁸ *The Letters*. 1932. Vol. 1. P. 210, 222, 344; Vol. 2. P. 347, 366–367.

⁹ *Ibid.* Vol. 1. P. 244.

¹⁰ *The Letters*. 1932. Vol. 2. P. 230.

¹¹ *Fearnley-Sander*. 1990. P. 323–338.

лучил беспрецедентный гонорар за свою «Историю», в целом не менее 3200 фунтов¹². Однако он рассчитывал на больший успех, считая, что рынок для исторических книг потенциально очень широк, и полагал, что его книга недостаточно хорошо продается¹³. Тем не менее, в последние годы жизни Юм мог спокойно констатировать, что в Англии «...история – излюбленный вид чтения»¹⁴.

Юм рано разглядел центральную роль истории в современном ему обществе. Он долго вынашивал мысль написать историю и руководствовался убеждением, что почетное место историка на английском Парнасе пока вакантно. По мнению Юма, предшествовавшим историкам, даже наиболее почитаемому из них Полю де Рапин-Туайяру, не достает «стиля, суждений, беспристрастности и деликатности»¹⁵. Только современный историк мог надеяться возместить эти недостатки. В 1741 г. Юм писал: «Первое прозаическое произведение [на английском языке. – В.В.], которое отличает изысканный слог, было написано человеком (Свифтом), который все еще жив»¹⁶. Таким образом, в современном ему британском пространстве не наблюдалось примеров для подражания.

Хорас Уолпол полагал, что стиль Юма сложился под влиянием Вольтера, но «Век Людовика XIV» Вольтера вышел не ранее 1751 года¹⁷. Образцами для Юма были более отдаленные во времени авторы. Он говорит нам, что писал «наподобие древних», по меньшей мере, это относится к жанру короткого рассказа¹⁸, который Юм заимствовал у своих любимых античных авторов. Скорее всего, именно «Анналы» Тацита были примером для него, именно у него Юм перенял манеру описания различных типов людей в переломные моменты истории.

Личные предпочтения Юма проявляются в апологии определенного круга авторов: «Я был соблазнен примером всех самых лучших среди новых историков, таких как Макиавелли, Фра Паоло, Давила, Бентивоглио; хотя практика ссылок возникла позже того времени в котором они жили, но предложенная однажды, она стала теперь обязательной для каждого писателя»¹⁹. Макиавелли, был самым старшим из них, он ро-

¹² The Letters. 1932. Vol. 1. P. 193, 255, 266, 314.

¹³ Ibid. Vol. 2. P. 106, 229, 233, 242.

¹⁴ Ibid. Vol. 2. P. 196.

¹⁵ The Letters. 1932. Vol. 1. P. 170. Первый том «Истории Англии» Рапина появился в 1724 г., и сразу в английском переводе в 1725 г. *Rapin*. 1724.

¹⁶ *Hume*. 1987. P. 8, 91.

¹⁷ The Letters. 1932. Vol. 1. P. 226.

¹⁸ Ibid. Vol. 1. P. 170.

¹⁹ Ibid. Vol. 1. P. 284.

дился в 1469 г. Самым молодым – Бентивоглио, который умер в 1644 г. Особенно высоко Юм ценил вклад Фра Паоло Сарпи (1552–1623) в развитие новых историографических практик. Адресная аудитория «Истории Тридентского собора» (1619) Фра Паоло была намного шире круга венецианских политиков. По мнению Юма, анализом перипетий споров на Триденском соборе Фра Паоло разрушил веру образованной публики во Вселенский собор как выразителя «воли Господней». Его сочинение было восхитительным примером исторического анализа, столь эффективного, считал Юм, что католическая церковь никогда больше не сможет созвать новый Вселенский Собор²⁰. Таким образом, Сарпи один без всякой посторонней помощи смог изменить ход истории. Не исключено, что Юм надеялся на подобный результат в своем предприятии²¹.

Макиавелли, Сарпи, Энрико Давила («*Historia delle guerre civili di Francia*», 1630), и Гвидо Бентивоглио («*Della guerra di Fiandra*», 1632–1639) – все находились под сильным влиянием Тацита. Все они были итальянцами, принимали активное участие в политической жизни и писали о событиях, которые были живы в памяти современников. Для них история имела практическую значимость в объяснении того, как функционирует политическая власть и необходимым средством для образования тех, кто планировал принять участие в политической жизни. Их аудитория определялась представителями политической элиты. Для того, чтобы стать таким же историком, как они, Юм намеревался обзавестись соответствующими политическими и юридическими знаниями в период службы у генерала Сент Клера / St. Clair в 1748 г.²² Но «История» Юма, в том виде, как она в конце концов была написана, мало внимания уделяет интригам двора и воинской доблести. Он рассматривает события, прежде всего, с точки зрения умного стороннего наблюдателя, но не участника, и предлагает своим читателям занять такую же позицию. Юм для своей «Истории» искал новую читательскую аудиторию: не политиков, не антикваров, а тех, кто хотел участвовать в обсуждении проблем текущей жизни. Это придавало историческому тексту новую роль: пересказ уже некогда рассказанной истории. Значительный вклад в формирование нового круга читающей публики, по-видимому, внес журнал «*The Spectator*» Аддисона и Стила, на страницах которого кристаллизовалась модель морально-политического эссе. Именно этого ожидал вдумчивый читатель, в котором так был заинтересован Юм. Можно предположить,

²⁰ *Hume*. 1983. Vol. 4. P. 388–389. note 9.

²¹ *Wootton*. 1983.

²² *The Letters*. 1932. Vol. 1. P. 109, *New Letters*. 1954. P. 23.

что для английских читателей второй половины восемнадцатого века «История» Юма была неким подобием романа, умным досужим чтением.

Особо надо сказать о формировании в этот период нового отношения к *анализу исторических источников*. Незадолго до того, как Юм задумывал свой труд, французский историк Шарль Роллен опубликовал «Римскую историю» (*Histoire Romaine*, 1738–1741) в девяти томах. Это была одна из первых попыток переписать историю древнего Рима для современной аудитории²³. До этого любой, кто хотел изучать римскую историю, должен был прямо обращаться к чтению великих историков древнего Рима: Гая Саллюстия Криспа (86–35 гг. до н.э.), Тита Ливия (59 г. до н.э.–17 г. н.э.) и Тацита (56–120 гг. до н.э.). Подобная практика распространялась и на английскую историю. В письме Хорасу Уолполу Юм пишет, что «лучше зародить сомнение, чем поучать; разве является излишним переписывать английскую историю или публиковать что-то по вопросу, о котором ранее уже шла речь в печати?». Более того, Юм настаивает на том, что по каждому сколько-нибудь значимому историческому сюжету накопилось так много материала, что задача историка – просеять его: «Подлинники, которые повествуют нам о царствовании Елизаветы I, потребуют шесть месяцев чтения со скоростью десять часов в день»²⁴. Историк, таким образом, дает краткое изложение событий и стремится сформулировать их суть, содержание. Именно так поступал Юм в своей «Истории» и в этом был залог ее поразительного успеха. Его труд выдержал семь полных изданий при его жизни, и еще 175 за сто лет после его смерти²⁵.

Успехом у читателей благодаря краткости изложения пользовалась именно его история гражданской войны середины XVII века, а не труд великого историка и государственного деятеля той эпохи Эдварда Гайда, лорда Кларендона, хотя именно Кларендон, а не Юм, воплотил традиционный идеал историка – интеллектуального участника событий, которые он описывает. Юм настаивал на том, что большинство людей при чтении первоисточников могли «получить очень смутное представление о событиях». Проблема заключалась не столько в количестве материалов, сколько в трудности их осмысления: «Поэтому утверждение, что обилие исторических памятников заменяет создание истории, кажется не намного убедительней, чем призыв не строить дом около каменного карьера»²⁶.

²³ *Rollin*. 1730–1738. Английский перевод начал выходить в 1739 г.

²⁴ *The Letters*. 1932. Vol. 1. P. 285.

²⁵ *Berman*. 1976. P. 101–112, 110; *David Hume*. 1965. P. 109, 413–417.

²⁶ *The Letters*. 1932. Vol. 1. P. 285.

Таким образом, по мысли Юма, труды современников описываемых событий уже не должны больше рассматриваться как самодостаточные «истории» – они только исторические источники, материал для историка.

К этому времени уже существовала достаточно хорошо известная литература по тем аспектам методологии истории, которые так интересовали Юма. основополагающим текстом этого круга было сочинение двух богословов-янсенистов Антуана Арно и Пьера Николя «Логика, или Искусство мыслить»²⁷, впервые анонимно опубликованное в 1662 году²⁸. В этой работе Арно фактически открывает современную теорию вероятностей, утверждая, что ряд, казалось бы, несхожих «дел» – азартные игры, проверка подлинности документов в суде, вера в чудеса – были одинаково относительноны в философском смысле, потому что во всех этих случаях присутствует допущение вероятности. Историки, когда они сообщают нам о том, что Святой Августин был свидетелем чуда, согласны верить этому свидетельству, несмотря на невероятность описываемых событий: непрерываемая репутация Августина, казалось бы, исключает обман, заблуждение или ошибку.

В своем сочинении Арно сформулировал правила, которым историку нужно руководствоваться на практике при оценке свидетельств. Если свидетельства нескольких независимых очевидцев совпадают, то им следует отдавать предпочтение перед теми свидетельствами, что им противоречат. Свидетельствам непосредственных участников и очевидцев нужно доверять больше, чем информации из вторых рук. Непосредственным следствием этих умозаключений янсенистов было снижение авторитета устной традиции. Подобная точка зрения формировалась в протестантской историософии Джоном Локком и другими мыслителями, которые показывали, что и католическое, и протестантское богословие базируются на одной и той же традиции²⁹.

Новая (в основном французская) литература в отношении критики исторических источников поставила ряд ключевых вопросов, которые в свою очередь стремился решить Дэвид Юм. Одним из принципиальных был следующий. Как можно доверять «Запискам о Галльской войне» Юлия Цезаря и другим подобным документам, если они передавались в рукописной традиции, как мы можем быть уверенными в передаче точности информации летописцами? По древнему периоду истории вообще в этом смысле до нас не дошел ни один источник.

²⁷ *Arnauld, Nicole*. 2011; *Арно, Николь*. 1991.

²⁸ *Wootton*. 1990. P. 191–229.

²⁹ *Woolf*. 1988; *Wootton*. 1990. P. 198, 222–223.

В «Трактате о человеческой природе» Юм делает заключение о том, что этот скептический аргумент только вводит в заблуждение: летописцам и печатникам, как правило, можно доверять³⁰. Самым авторитетным автором (наверняка известным Юму) в этой области был Николя Фрере, чьи «Размышления» (1729)³¹ были ответом на скептические аргументы его друга Жана Левека де Пуийи³². Фрере настаивал на том, что мы можем доверять таким историкам как Тит Ливий, даже в том случае, когда не имеем возможности проверить их показания по независимым источникам. Его главный аргумент заключался в том, что древние историки имели доступ к источникам не дошедшим до нас³³.

Однако такое заявление заставило Фрере сделать оговорки в отношении Тита Ливия, который свободно пишет о необычных явлениях природы и даже чудесах. Фрере приходит к заключению, что следует скептически относиться к первым, не доверять – вторым, но можно смело полагаться на оценки Ливия в отношении военных и политических событий. В эссе «О чудесах» Юм выступил в защиту систематического скептицизма в отношении подобных «чудесных» сообщений со сходных с Фрере позиций. Это эссе Юма сосредоточено на вопросе относительности сведений источников по древней истории. Он считал, что безупречное свидетельство очевидцев является единственным аргументом в пользу «свершившегося чуда». Кроме того, это «чудо» нужно соотносить с естественным ходом вещей, определенным самой природой. Таким образом, «внешняя» и «внутренняя» логика доверия к историческим источникам будут идеально сбалансированы. К примеру, в отношении «чудес» первых веков христианства следует помнить, что христианские писатели были заинтересованными свидетелями и их свидетельства нельзя принимать за чистую монету. И что очень важно, по мысли Юма, «внутренняя» логика доказательности всегда преобладает над «внешней».

В своем блестящем эссе «О многочисленности народов древности» (впервые опубликовано в 1752 г.), Д. Юм демонстрирует проникательность в критике исторических источников. Он находит в надежных источниках по древней истории упоминание о городах с огромным количеством населения или о сражениях с участием «неисчислимых» армий. Казалось бы, здесь легко сделать вывод, что древний мир был гораздо более густонаселенным, чем современный ему. Однако он решил дока-

³⁰ *Hume*. 2007. Book 1. Part 3. Section 13. P. 6; *Юм*. 1996. Т. 1. С. 68–70.

³¹ *Freret*. 1729.

³² *Pouilly de Levesque*. 1723.

³³ *Wootton*. 1990. P. 200–203.

зять, что это суждение, по своей сути, является невероятным, исходя из «внутренней» логики: у рабов было мало возможностей размножаться и воспитывать детей; массовые убийства и разрушительные войны были обычным явлением; небольшое территориальное пространство городов было несоразмерно с заявленной в источниках численностью населения; примитивность экономики древних обществ свидетельствует об их неспособности к поддержанию жизнедеятельности большого количества людей. Таким образом, посредством синтеза различных типов суждений и доказательств, извлеченных из огромного круга источников, Юм показал, что сообщения источников по численности населения в древний период были совершенно ненадежными. К такому же умозаключению можно прийти в отношении свидетельств о чудесах, где будет работать своя система доказательств относительно их маловероятности. Развернутая аргументация Юма явно переросла рамки антикварианизма: он убедительно доказывал, что современная цивилизация превосходила в своем развитии древние цивилизации. Юм вышел победителем из дискуссий с Робертом Уоллесом / *Robert Wallace* по вопросу о восходящем и нисходящем характере развития человеческой цивилизации. Юм придавал историческому процессу прогрессивный характер и констатировал постепенное улучшение жизни³⁴.

Остановимся еще на одном аспекте мировоззренческой позиции Юма как историка. Речь идет о понимании им *значимости истории в текущей политической ситуации*. Критика исторических источников в его «Истории Англии» была призвана развенчивать мифы о прошлом, что имело решающее значение для современных Юму дебатов между вигами и тори, а также между протестантами и католиками.

Политические дебаты, как и конфессиональные споры, зависели от оценок прошлого. Назначение истории Юм видел в разрешении этих спорных вопросов посредством беспристрастного внепартийного анализа авторитетных исторических источников. Детальное рассмотрение соответствующих интерпретаций историком, полагал Юм, поможет разумному человеку не ставить под сомнение очевидные ценности и руководствоваться ими как в повседневной, так и в политической жизни. Он также считал важным развенчание риторики политических экстремистов (например, в случае с радикалом Дж. Уилксом). Юм определил три ключевых эпизода в современной ему исторической мифологии: «Есть действительно три события в нашей истории, которые можно рассматривать как пробные камни для политика. Английский виг, который

³⁴ См.: *Jones*. 2009.

настаивает на реальности папистского заговора, Ирландский католик, который отрицает резню 1641 года, и Шотландский якобит, который придерживается точки зрения о невинности королевы Марии... если посмотрят на эти обстоятельства как обычные люди, то они будут вынуждены оставить свои предрассудки»³⁵.

Одним из самых ярких примеров политической пропаганды в английской истории стало сочинение «*Basilike Eikon*»³⁶, духовная автобиография, приписываемая предположительно Карлу I и изданная сразу после его казни в 1649 г. Король здесь изображен как благочестивый, честный человек, заботящийся о благополучии своих подданных. Небывалый успех публикации этого сочинения сыграл решающую роль в Реставрации Стюартов, но разве это сочинение, вопрошает Юм, действительно дает представление о тайных замыслах короля, или может быть это была, как многие утверждали, лицемерная стряпня роялистского священника доктора Гоудена / *Gauden*³⁷?

Юм, хотя и был на стороне Карла I, проявлял заинтересованность в поиске адекватного ответа на вопрос об авторстве этого произведения: «Доказательства, написал или нет король это сочинение, в равной степени настолько убедительны, что если беспристрастному читателю посмотреть на противоположную точку зрения с одной из сторон, он будет думать, что невозможно привести более убедительных аргументов и доказательств. И когда он сравнит эти точки зрения, он будет некоторое время в замешательстве, чтобы определиться. Если абсолютное решение найти трудно или оно разочарует нас в таком интересном вопросе, я должен признаться, что я очень склонен отдавать предпочтение аргументам роялистов. Свидетельства, которые они приводят в пользу авторства короля, являются более многочисленными, определенными и прямыми, по сравнению с аргументами противоположной стороны. Это даже в том случае, если мы берем во внимание внешние доказательства. Но когда мы взвешиваем внутренние доказательства, вытекающие из анализа стиля и композиции [сочинения – *B.V.*], нет сомнения. Эти раз-

³⁵ *Hume*. 1983. Vol. 4. P. 395. Папистский заговор, или дело Титуса Оутса – воображаемый заговор католиков с целью убить короля Карла II и ввести католицизм в Англии, является примером антикатолической истерии в 1678–1681 гг. и гонений на католиков. Несколько тысяч протестантов были убиты во время Ирландского восстания осенью 1641 г. и более десятка тысяч изгнаны из Ирландии; карательная компания Кромвеля 1649 года в Ирландии рассматривалась протестантами как акт мести. Королева Шотландии Мария Стюарт, мать короля Англии Якова I, была замешана в убийстве своего второго мужа, лорда Дарнли.

³⁶ *The Eikon Basilike*. 1649.

³⁷ *Trevor-Roper*. 1966. P. 211–220.

мышления... так не похожи на напыщенный, бестолковый, риторический и ангажированный стиль доктора Гоудена, которому они приписываются, что, кажется, ни одно человеческое суждение не убедит нас в том, что он был их автором»³⁸.

Здесь Юм показывает реальную историографическую ситуацию, когда две конфликтующие линии убедительных доказательств находятся в идеальном равновесии. Хотя впервые он обращает внимание на подобную ситуацию в эссе «О чудесах». Как там, так и здесь, Юм продолжает настаивать на превосходстве «внутренней» критики над «внешней»: в одном случае, невероятность «чудес» житийной литературы, противоречащих законам природы, а в другом – невероятность того, что стиль доктора Гоудена мог так преобразиться. Такие доказательства могут быть настолько сильны, что никакие противоположные свидетельства не опровергнут их. Доказательства невероятности авторства доктора Гоудена были точно так же сильны, как доказательства невероятности чудес. Юм показывает и убеждает, что неподготовленному человеку, даже если он нашел время и силы для изучения памятников прошлого, нет смысла пускаться в толкование истории. У вступающего в спор должна быть надлежащая подготовка, владение историческим методом и понимание философских принципов, используемых в оценке существующих доказательств.

Такое понимание Юмом «работы» историка вытекало из нового представления о развитии человеческой истории. Да, Дэвид Юм обратился к написанию истории, отчасти, намереваясь достичь литературной славы, о чем он говорит в своей автобиографии. Хотя едва ли это был его главный мотив. Многочисленные эссе Юма уже принесли ему известность. Сильным его желанием было исследовать посредством исторического нарратива философские, политические и моральные вопросы, которые лежали в основе его предыдущих морально-этических и философских изысканий. Что же нового хотел донести до своих читателей Дэвид Юм? Свое представление о *теории исторического процесса*.

Наиболее авторитетными авторами в этом вопросе для Юма были Дж. Гаррингтон (1611–1677), Ш.-Л. Монтескье (1689–1755) и Ж. Тюрго (1727–1781). Джеймс Гаррингтон был важной фигурой для Юма в анализе английской истории по следующим обстоятельствам. Во-первых, Гаррингтон написал философско-политический трактат «Республика Океания»³⁹, в котором дал описание «идеального» государства всеоб-

³⁸ *Hume*. 1983. Vol. 5. P. 547–548.

³⁹ *Harrington*. 1656.

щего благоденствия (*commonwealth*). Это государство, покоящееся на принципах свободы, может и должно быть создано людьми, говорит Гаррингтон. Исходя из «эталона идеального государства» можно формировать будущее, а также «проинспектировать» английскую конституцию восемнадцатого века, полагал Юм. Во-вторых, Гаррингтон считал, что на основе концепции идеального государства, основанного на принципах личной выгоды, он создал новую науку о политике. Хотя он и признавал, что в этом отношении был многим обязан Макиавелли и Гоббсу. В-третьих, он пришел к выводу, согласно которому политический кризис середины семнадцатого века в английской истории был неизбежным результатом предшествующего достаточно длительного периода социальных изменений. В-четвертых, адепты Гаррингтона после Реставрации подвергали постоянной критике два аспекта текущей политики Великобритании: развитие профессиональной, или «регулярной», армии и увеличение доходов короля и королевской бюрократии, что вело к усилению влияния короны на политический процесс и разрастанию взяточничества и коррупции.

Дэвид Юм занимался всеми четырьмя аспектами концепции Гаррингтона и его интерпретаторов⁴⁰. В эссе «Идея совершенного государства» (*Idea of a Perfect Commonwealth*, 1752) он симпатизирует модели идеальной республики Гаррингтона, а также предлагает ее улучшение. В сочинениях «О том, как политика может стать наукой» (*That Politics may be reduced to a Science*, 1741) и «Независимость парламента» (*The Independency of Parliament*, 1741) он разделяет позицию сторонников Гаррингтона, что политические институты были созданы людьми в соответствии с их интересами. Это позволяет судить о поведении людей в принципе и прогнозировать, исходя из этого, политические решения. Данный прогноз основан на убеждении, что люди всегда действуют из эгоистических побуждений. Ключ к политике, таким образом, лежит в первую очередь в изучении институтов, а не в поведении людей, – хорошо организованные институты заставят людей придерживаться лучшего поведения и разумной общественной организации.

В эссе «О порядке наследования протестантской династии» (*Of the Protestant Succession*) Дэвид Юм в целом разделил оценку Гаррингтоном социальных изменений, которые объективно способствовали усилению влияния палаты общин к середине семнадцатого века. Однако в эссе «Независимость парламента» он стремился показать, что Гаррингтон был не прав, когда говорил о необходимости отмены монархии.

⁴⁰ Moore. 1977.

Наконец, в вопросе «склоняется ли английское правительство больше к абсолютной монархии или республике», он разделял оценку неогаррингтонианцев о растущей мощи короны.

Юм всегда был критичен по отношению к Гаррингтону, но остался его доброжелательным критиком⁴¹. В «Океании» Гаррингтон первым пришел к выводу о том, что перераспределение земельной собственности в XVI – начале XVII столетия привело к перераспределению налогового бремени и военных обязательств. Это, в свою очередь, вызвало политический конфликт середины XVII века. Идеи Гаррингтона требовали расширения представлений о собственности – наряду с земельной собственностью он предлагал учитывать коммерческие доходы. В этом можно обнаружить зарождение экономического детерминизма. Юм, в свою очередь, приходит к убеждению, что коммерческая деятельность обладает цивилизующей функцией, он формулирует экономическое объяснение прогресса и свободы.

Адам Смит утверждал, что этот аргумент можно найти в «Истории» Дэвида Юма. Об этом Смит так написал в своем главном сочинении «О богатстве народов»: «Торговля и мануфактуры постепенно вводят порядок и хорошее управление, а с ними свободу и безопасность личности среди жителей страны, которые до этого жили почти всегда в постоянном состоянии войны со своими соседями и в рабской зависимости от своей знати. Это, хотя данный процесс трудно увидеть воочию, на сегодняшний день является наиболее важным из всех последствий [развития торговли и мануфактур – *В.В.*]. Мистер Юм является единственным писателем, кто, насколько я знаю, до сего времени обратил на это внимание»⁴². Юм уже в 1741 г. писал: «Вплоть до минувшего столетия торговля никогда не рассматривалась как государственное дело, и едва ли есть хоть один политический писатель древности, который касается ее. Даже итальянцы сохранили глубокое молчание в этом вопросе, хотя торговля сейчас занимает центральное место как для государственных министров, так и [для простого человека – *В.В.*] в связи с возможностью сделать состояние. Огромное богатство, величие и военные достижения двух морских держав [Англии и Голландии], кажется, стали первыми примерами значимости в человеческой истории обширной торговли»⁴³.

Таким образом, взявшись за перо практически век спустя после Гаррингтона, Юм придавал коммерции гораздо большее значение. Одна

⁴¹ *Hume*. 1987. P. 32–37.

⁴² *Smith*. 2007. P. 413; *Stockton*. 1976. 296–320.

⁴³ *Hume*. 1987. P. 2, 88–89.

из магистральных тем «Истории Англии» и ряда его эссе – проследить, как коммерческая экспансия Англии влияла на рост богатства и величия страны. По мысли Юма, здесь порядок причинности был следующий – необходимость развития торговли и коммерции неизбежно вела к расширению политических свобод⁴⁴. Прогресс человечества, замечал Юм, был в частности связан с развитием денежного хозяйства. Именно денежное обращение в городах сделало личную зависимость от сеньора анахронизмом, здесь лорды не видели смысла ее сохранять; а рост личной свободы «проложил путь к расширению политических или гражданских свобод»⁴⁵.

Дэвид Юм хорошо представлял глубокую связь экономического развития с общим ходом истории и способствовал формированию экономического объяснения истории. Юм, как и Гаррингтон, видел в подъеме джентри главную причину сдвига в балансе социальных сил, что в свою очередь подтачивало положение монархии в первой половине семнадцатого века. Если гаррингтонианский характер его анализа не всегда очевиден, то это потому, что Юм видит в подъеме джентри объяснение не гражданской войны, а конституционной революции, которая предшествовала гражданской войне. Лишь длительными социальными изменениями (в сочетании с тем фактом, что только в парламенте как органе институционального характера эти изменения могли найти свое политическое выражение) можно объяснить события 1640–1641 гг.

Гаррингтон рассматривал казнь короля как естественный результат предшествующего политического процесса. Юм же объяснял неспособность парламента прийти к соглашению с королем только религиозным фанатизмом коммонеров.

Влияние идей Монтескье на концепцию исторического развития Юма не представляется столь очевидным по той простой причине, что он высказывает суждения, сходные с идеями главного сочинения Монтескье «О духе законов» (1748), совершенно независимо⁴⁶. В одном принципиальном вопросе он не согласен с Монтескье. В эссе «О национальных характерах» (*Of National Characters*, 1748) он опровергает точку зрения Монтескье о роли климата в формировании политической и культурной жизни народов. Конечно, не исключено, что Юм мог знать что-то из аргументов «О духе законов» до их публикации⁴⁷. Оба вы-

⁴⁴ См.: *Hume*. 1987. P. 6, 10, 17–19, 92–93, 113, 265–266.

⁴⁵ *Hume*. 1983. Vol. 2. P. 524.

⁴⁶ *Montesquieu*. 1989. P. 18, 22, 156–166, 197, 325–333, 388, 456, 608.

⁴⁷ *Chamley*. 1975.

страивают троичную типологию политических режимов: деспотия, гражданская монархия и конституционный строй (наподобие английского, основанного на принципах свободы).

Англия является для них обоих редчайшим примером свободы, когда-либо существовавшей в мире. Оба используют слово «свобода» в нескольких смыслах, но в первую очередь связывают его с «личной» или «гражданской» свободой, когда представительное правление служит средством ее обеспечения⁴⁸. Монтескье определил «политическую свободу» как «то спокойствие духа, которое проистекает из убеждения, что каждому обеспечена его безопасность; эта свобода должна быть обеспечена правительством так, чтобы один гражданин мог не бояться другого гражданина»⁴⁹. Юм писал: «Правление, которое, по общему заключению, получает наименование свободного, это такое, при котором проведено разделение властей..., чья соединенная власть не меньше, или обычно больше, чем у любого монарха; но кто, в обычном управлении, должен руководствоваться общими и равными для всех законами, которые были ранее известны всем членам и по всем этим вопросам. В этом смысле, должно быть признано, что свобода является наивысшим проявлением гражданского общества»⁵⁰.

Таким образом, оба считали ключевым моментом английской свободы установление принципа разделения полномочий между законодательной и исполнительной властями. Оба придавали большое значение следующим необходимым конституционным элементам: Хабеас корпус акт, независимая судебная система, суд присяжных заседателей, свобода прессы в качестве одного из гарантов свободы. Конкурирующие интересы законодательной и исполнительной власти обязательно должны создать конфликтующие партии в поддержку различных интересов. Эти партии неизбежно будут стремиться переписать историю, чтобы оправдать свою политику⁵¹. Наконец, оба – и Монтескье, и Юм считали характерной чертой эволюции английской истории, начиная с норманнского завоевания, борьбу феодалов за власть, которая проложила дорогу деспотизму. Оба были согласны в том, что в Англии никогда не было гражданской монархии, отчасти потому, что она зависит от сильного дворянства, в то время как английская знать была чрезвычайно слаба до появления сильной монархии.

⁴⁸ Miller. 1975. P. 125–192.

⁴⁹ Montesquieu. 1989. P. 157; New Letters. 1954. P. 196.

⁵⁰ Hume. 1987. P. 7, 40–41.

⁵¹ The Letters. 1932. Vol. 1. P. 138.

Сочинение Монтескье «О духе законов» напоминает нам о центральной проблеме, с которой столкнулся Дэвид Юм при написании своей «Истории». Классические модели исторического письма того времени существовали почти исключительно в виде повествовательного нарратива. Монтескье, однако, показал, что можно было анализировать конституции и культуры в виде «идеального типа», целостного образа. В самом деле, он должен был это делать, если хотел представить предмет своего внимания в целостности и понять логику его развития. По той же самой причине Юму приходилось делать пространные отступления, объясняя характер конституции (например, пассажи о достижениях в области искусства и науки), которые выходили за рамки традиционного повествования. В более поздних изданиях «Истории» он переместил часть из них в сноски⁵². Юм понимал, что конституционные институты и практики имеют решающее значение для объяснения исторического развития народов, однако он никогда не шел так далеко как Монтескье, чтобы пытаться объяснять события политической жизни достижениями в культуре. Юм никогда не заявлял о существовании единого духа нации, пронизывающего все аспекты его жизни в определенную эпоху.

Взгляды Тьюрго на исторический процесс, в отличие от Гаррингтона и Монтескье, не оказали, по-видимому, никакого влияния на Юма. Интерес представляют его реакции на сочинение Тьюрго «О всеобщей истории» (*Discours sur l'histoire universelle / On Universal History*, 1751). Преисполненный оптимизма Тьюрго утверждал, что вся история есть история прогресса. Юм же крайне пессимистично оценивал события в Англии – радикальные требования «свободы» Дж. Уилксом – в письме к Тьюрго в 1768 г.: «Я знаю, вы один из тех, кто способен занять приятно и похвально, если бы не слишком оптимистичная надежда, что человеческое сообщество находится в постоянном движении вечного Прогресса на пути к совершенству ... Молитесь, не видите ли некоторые противоречия в последних событиях в этой стране [Англии – *B.B.*] вашей системе?». Юм был убежден, что опасная политика – прежде всего рост государственного долга – может поставить под угрозу мир и цивилизацию.

Дэвид Юм даже не был убежден в том, как полагал Тьюрго, что «с момента открытия книгопечатания нам больше не нужно бояться возвращения варварства и невежества»⁵³. Напротив, читая первый том Эдварда Гиббона «Закат и падение Римской империи» (1776), Юм высказал суждение о «признаках упадка» в Англии, где «распространены

⁵² The Letters. 1932. Vol. 1. P. 294.

⁵³ The Letters. 1932. Vol. 2. P. 180.

предрассудки... предсказывают падение философии и нравов»⁵⁴. Он предвидел «новое и внезапное нашествие невежества, суеверия и варварства»⁵⁵. Уверенность Тюрго в том, что прогресс был гарантирован провидением, по-видимому, казался Юму изощренным интеллектуальным предрассудком. Ему был больше по душе «Кандид» Вольтера (1759): «Он полон веселья и непристойностей, и на самом деле это сатира на Провидение, под предлогом критики системы Лейбница»⁵⁶.

История сама по себе, по мнению Юма, не предусматривает никаких оснований для какой-либо веры в провидение, даже в виде секуляризованной веры в неизбежность прогресса.

Таким образом, Юму удалось добиться признания в широких слоях британского общества и, прежде всего, среднего класса, определявшего конъюнктуру политического и культурного развития Великобритании в XVIII веке. Ему также удалось актуализировать в общественном сознании представление о «прошлом» и «настоящем» отечества. Его востребованность была задана процессами рождения британской нации и формирования «публичной сферы» в британском обществе⁵⁷. «Общества мысли» определяли ее формирование. Такое «общество» составляли британские интеллектуалы, сосредоточившие свои усилия на воссоздании целостной картины «национального прошлого». Несомненно, самым ярким из них был Дэвид Юм. Его вклад в развитие историзма очевиден. В его «Истории Англии», а также в ряде философских эссе поставлены и в значительной степени решены ключевые проблемы познания истории – проблема критики и интерпретации исторических источников, а также предложена непротиворечивая и продуктивная теория исторического процесса.

Историографический контекст формирования концептуальных оснований «Истории» Юма позволяет сделать вывод о «неоримском» характере историософии автора. Тацит и его адепты раннего Нового времени – Н. Макиавелли, Фра Паоло Сарпи, Э. Давила, Г. Бентивоглио – определили высокий гражданский стиль мышления Дэвида Юма. Строго рационалистическая «логика Пор-Рояля» в сочинениях А. Арно, П. Николя, Н. Фрере, Ж. Левека де Пуий позволила Юму мыслить «идеальными типами», и тем самым преодолеть средневековую традицию

⁵⁴ Ibid. P. 310.

⁵⁵ New Letters. 1954. P. 199.

⁵⁶ Ibid. P. 53.

⁵⁷ *Айзенштат*. 2009. С. 71–91.

исторического повествования, отбросив без колебаний «невероятное» в прошлой истории человечества. Но при этом, в отличие от своих современников-французов Ш.-Л. Монтескье и Ж. Тюрго, он был скептиком, каждый раз показывая тонкую грань цивилизованности эгоистичной природы человека. В этом смысле история – по мысли Юма, она одна – заставляет помнить «глубины» человеческого грехопадения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009.
- Андерсон Б.* Ангел истории // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Арно А., Николь П.* Логика, или Искусство мыслить. М., 1991.
- Барз М.А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82.
- Барз М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.
- Лабутина Т.Л., Ильин Д.В.* Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе / Юм Д. Сочинения в двух томах. М., 1996.
- Нарский И.С.* Дэвид Юм. М., 1973.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
- Arnauld A., Nicole P.* La logique, ou L'art de penser. P., 2011.
- Berman D.* David Hume on the 1641 Rebellion in Ireland // Studies: An Irish Quarterly Review. № 65. 1976.
- Chanley P.E.* The Conflict between Montesquieu and Hume / Essays on Adam Smith. Ed. By A. S. Skinner and T. Wilson. Oxford, 1975. P. 274–305.
- Christensen J.* Practicing Enlightenment: Hume and the Formation of a Literary Career. University of Wisconsin Press. 1987.
- Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992.
- David Hume: Philosophical Historian* / Ed. D.F. Norton and R.H. Popkin. Indianapolis, 1965.
- Davis Zemon N.* History's Two Bodies // American Historical Review. 1988. No 93. P. 1–30.
- The Eikon Basilike.* The Pourtrature of His Sacred Majestie in His Solitudes and Sufferings. 1649.
- Fearnley-Sander M.* Philosophical History and the Scottish Reformation // Historical Journal. № 33. 1990.
- Forbes D.* Hume's Philosophical Politics. Cambridge, 1975.
- Freret N.* Reflexions sur l'étude des anciennes histoires et sur le degre de certitude de leurs preuves. P., 1729.
- Jones R.F.* Hume on the Arts and «The Standard of Taste»: Text and Context // The Cambridge Companion to Hume / Ed. by D.F. Norton and J. Taylor. 2 ed. Cambridge, 2009. P. 414–447.
- Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. L., 1656.
- Hobsbawm E.* Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality. L., 1992.
- Hume D.* Of Civil Liberty (1741) / Hume D. Essays Moral, Political, and Literary / Ed. by E.F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987.
- Hume D.* Of Commerce (1752) / Hume D. Essays Moral, Political, and Literary / Ed. by E.F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987.

- Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary, ed. E. F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987.
- Hume D.* Of the First Principles of Government (1741) / *Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary / Ed. E. F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987.
- Hume D.* The History of England (first published 1754-62), 6 vols. Indianapolis: Liberty Classics, 1983.
- Hume D.* Of the Origin of Government (1777) / *Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary / Ed. by E.F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987.
- Hume D.* Of Refinement in the Arts (1752) / *Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary / Ed. by E.F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987.
- Hume D.* Of the Study of History. L., 1741; withdrawn after 1760 / *Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary / Ed. by E.F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987.
- Hume D.* A Treatise of Human Nature (first published 1739–1740). Oxford, 2007.
- Kidd C.* North Britishness and the nature of eighteenth-century British patriotisms // *The Historical Journal*. Volume 39. Is. 2. June, 1996.
- The Letters of David Hume, ed. J. Y. T. Greig, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1932.
- Meek R. L.* Smith, Turgot and the 'Four Stages' Theory // *History of Political Economy*, № 2. 1971.
- Miller D.* Philosophy and Ideology in Hume's Political Thought. Oxford, 1981.
- Moore J.* Hume's Political Science and the Classical Republican Tradition / *Canadian Journal of Political Science*. № 10. 1977. P. 809–839.
- Montesquieu C.-L. de Secondat, baron de.* The Spirit of the Laws / Transl. and ed. by A.M. Cohler and others. Cambridge, 1989.
- New Letters of David Hume / Ed. by R. Klibansky and E.C. Mossner. Oxford: Clarendon Press, 1954.
- Pouilly de Levesque J.* Dissertation sur l'incertitude de l'histoire des premiers siècles de Rome. P., 1723.
- Rapin de P.* L'Histoire d'Angleterre. Hague: Durand and Dupard. 1724.
- Rollin C.* Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium. P., 1730–1738.
- Skinner A.* Hume's principles of Political Economy / *The Cambridge Companion to Hume* / Ed. by D.F. Norton and J. Taylor. 2 ed. Cambridge, 2009.
- Smith A.* An Inquiry into the Causes of the Wealth of Nations / Ed. by M.S. Soares. Digital edition. 2007.
- Stockton C. N.* Economics and the Mechanism of Historical Progress in Hume's History / *Hume: A Re-evaluation* / Ed. by D.W. Livingston and J.T. King. New York, 1976.
- Trevor-Roper H.* «Eikon Basilike»: The Problem of the King's Book / *Trevor-Roper H.* Historical Essays. New York, 1966.
- Woolf D.* The 'Common Voice': History, Folklore and Oral Tradition in Early Modern England // *Past and Present*. 1988. No. 120. P. 26–52.
- Wootton D.* Hume's 'Of Miracles': Probability and Irreligion // *Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment* / Ed. by M.A. Stewart. Oxford, 1990.
- Wootton D.* Paolo Sarpi: Between Renaissance and Enlightenment. Cambridge, 1983.

Высокова Вероника Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета (Екатеринбург).
vysokova@mail.ru